

Влияние кальвинизма на становление и развитие бранденбургско-прусского государства

Деятели Первой лютеранской Реформации не создали цельной системы христианского миропонимания, которую можно было бы противопоставить вековым традициям католической церкви. Эту задачу решил Жан Кальвин и его последователи. Взгляды Кальвина на государство укладываются в рамки средневековой парадигмы власти, хотя в них явно наблюдается тенденция к секуляризации общества и государства. Синтез христианства и классической юриспруденции лежал в основе государственно-политических идей Кальвина. Кальвинизм нашёл отклик в большинстве стран Европы, поскольку в нем содержались ответы на наиболее актуальные вопросы эпохи: о соотношении полномочий светской и церковной властей, об отношении к фигуре правителя и способе формирования правительства, о государственной идеологии, о границах и основаниях государственного суверенитета и т. д. [1, с. 19-21]

Кальвинизм был привлекателен для дворянства и высшей аристократии в борьбе против централизаторских устремлений королевской власти во Франции, Шотландии и использовался домом Оранских против испанской монархии во время Нидерландской революции. В Германии же в интернациональном кальвинизме могли увидеть средство привлечения союзников из других стран, а в кальвинистской церковной дисциплине средство усиления контроля над подданными в большей степени, чем это могли обеспечить лютеранство и католицизм. Бранденбургские курфюрсты также приняли кальвинизм, но, в конечном счете, в их владениях был осуществлен симбиоз кальвинизма с лютеранством. По мнению Ранке, Бранденбург смог укрепить своё экономическое и политическое положение именно с помощью Второй Реформации [2, с. 9, 30].

Введение кальвинизма имело глубокие религиозные и политические последствия для Бранденбурга. Вторая Реформация, проведённая курфюрстом Иоганном Сигизмундом, была эпохальным

событием, которое вселило новый, более честолюбивый дух в бранденбургскую политику. Иоганн Сигизмунд стал реформатором, чтобы защитить свои династические интересы в Рейнландии, где он нуждался в поддержке голландцев. Переходя в кальвинизм, он присоединился к политически прогрессивным силам против своих консервативных лютеранских сословий дома и реакционных католических сил Габсбургов за границей. Основной тенденцией в Империи было существование консервативного лютеранского княжества со слабым правителем, который был удовлетворён небольшим политическим влиянием на имперском или международном уровне. Уже в XVII в. появляется прогрессивное европейское государство, такое как Франция или Голландия, в котором региональные, политические и конфессиональные интересы были подчинены общему благу. Немецкий историк Герхард Эстрайх говорил о влиянии идей «неостоицизма» в рамках голландского кальвинизма и гуманизма на развитие Бранденбурга-Пруссии [5, р. 203-204].

Придворный проповедник Абрахам Скултетус восхвалял Иоганна Сигизмунда за то, что ожидалось от хорошего христианского правителя: курфюрст «вымел оставшиеся папские экскременты из конюшни Христа». Точно так же умеренный лютеранский проповедник Кристоф Пеларгус хвалил курфюрста «за то, что тот продвинул чистую христианскую религию, свободную от всего человеческого дополнения и папского суеверия». Кальвинистские апологеты часто сравнивали Иоганна Сигизмунда с такими известными героями Ветхого Завета. Проводились параллели и с царём Иосифом. Как и курфюрст, иудейский царь стремился провести религиозную реформу и стремился к возвышению династии. Иосиф хотел очистить свою землю от идолопоклоннических культов. Эти реформы имели глубокие политические последствия. Иудейский царь противопоставил своё царство Ассирии - библейского эквивалента современной католическо-габсбургской империи. Параллели с религиозными реформами Иоганна Сигизмунда и его политическими амбициями в Пруссии и в Рейнланде угадывались безошибочно [6, р. 198].

Бранденбургские курфюрсты черпали многие нововведения в сфере политики и организации власти, в первую очередь, из Республики Соединенных провинций. Благодаря кальвинизму и позднему гуманизму в Бранденбург пришла идея государственного интереса. Она состояла, в частности, и в том, что политическая власть государства существовала для того, чтобы поддерживать мир и порядок по требованию различных религиозных или политических групп. В этом процессе реформатское духовенство играло гораздо более важную роль, чем признавалось в прошлом. При изучении происхождения прусско-бранденбургского абсолютизма обычно анализируются важные моменты истории страны - ее армия, бюрократия, или экономическая политика, но игнорируется идеология, которая скрепляла эти элементы [4, S. 285; 5, p. 222].

Чем больше в Нидерландах власть Оранских отходила на задний план перед республиканской конституцией, тем сильнее пример монархической Франции влиял на Бранденбург. При этом влияние распространялось не на отдельные учреждения и органы государственного управления, а на характер политической организации в целом. Стремление стать независимой политической силой в Европе, напряжение финансовых и военных сил страны, усиление с этой целью монархической власти, планомерное подавление сословной оппозиции, объединение относительно независимых территорий в единое государство - это путь, по которому шёл бранденбургско-прусский абсолютизм. Он опирался на бюрократическое чиновничество и позже также на сильную армию. Эти тугие обручи стягивали территории в централизованное, управляемое и эффективное единое государство. Кальвинистский дух воодушевлял Великого курфюрста на проведение реформ бранденбургско-прусского государства [4, S. 285-286].

Новый кальвинизм, большой вклад в разработку которого внёс придворный бранденбургский проповедник Иоганн Бергиус, обеспечил идеологическую основу для развития абсолютизма в государстве Гогенцоллернов. Его политическая мысль была роялистской, а не народной. Он стоял за укрепление власти правителя против земельных сословий. Теория конституционной формы сопротивления была направлена против императора, на усиление власти курфюрста. Мысли

Бергиуса основывались на политических идеях, получивших широкое распространение во Франции и Нидерландах. Ролан Мунье определил «существенное условие абсолютизма... [как] суверенитет, который не признаёт руководителя». В этой системе функционирует арбитр в религиозной, социальной и политической борьбе. Применительно к выводам Мунье, Бергиус никогда не был теоретиком абсолютизма. В стране, где абсолютистские понятия политической власти только начинали появляться, он часто походил больше на роялиста, чем идеолога государственного интереса. Бергиус всегда оставался богословом. Его взгляды о политике и политической власти определялись теологией. Благодаря своему широкому образованию и как ответ на события Тридцатилетней войны, этот кальвинистский богослов пришел к пониманию сути политической власти, которая в более секуляризованной и светской версии приблизилась к абсолютистской теории государства [5, p. 222–223].

«Кальвинисты - худшие враги Священной Римской империи, поскольку они стремятся свергнуть ее текущую конституцию и... повернуть Германию или в "тираническую олигархию" или в "революционную демократию", – объявил католический публицист Каспар Шоппе вскоре после того, как Иоганн Сигизмунд обнародовал свой переход в реформатскую веру. У Шоппе было серьезное основание для беспокойства: переход в кальвинизм еще одного курфюрста был знаменательным и указывал на растущую конфессиональную поляризацию в Империи [6, p. 181].

Курфюрст настаивал, что он перешёл в кальвинизм «не в связи со светской выгодой, а исключительно по воле своего сердца и совести». В то время как религиозные побуждения лежали в основе его реформации, удачно было выбрано время для политического воздействия на Пфальц и Голландию – союзников курфюрста. В поддержке их Иоганн Сигизмунд нуждался в споре за юлих-клевском наследство. Но любые преимущества, которые принесла ему новая вера в Рейнланде, сопровождалась многими неудобствами, которые возникли дома и за границей. Население Бранденбурга, особенно лютеранское духовенство и аристократия, напряженно сопротивлялось всем усилиям по

кальвинизации. Иоганн Сигизмунд не стал распространять кальвинизм на всё княжество, не потому что он не хотел этого, а скорее потому, что был не в состоянии это сделать. Столкнувшись с оппозицией лютеранских народных масс, он скоро был вынужден признать, что первоначально предполагавшаяся кальвинизация княжества не могла быть принята. Под давлением сословий двор должен был уступить в 1615 г.: «Кто желает, может остаться приверженцем доктрины Лютера и неизменного Аугсбургского вероисповедания... а также Книге Согласия... Поскольку Его курфюршеское высочество никоим образом не присваивает себе власть над совестью...». Мультиконфессионализм, т. е. сосуществование кальвинистского двора и популярной лютеранской церкви, стал результатом компромисса [6, р. 181, 182, 200].

Реформатство в Бранденбурге оставалось вероисповеданием меньшинства. Кальвинистами были в основном представители правящей династии Гогенцоллернов, курфюршеского двора и бюрократического аппарата. Распространение реформатского вероисповедания на большинство придерживающихся лютеранства жителей Бранденбурга не удавалась, да и это не пытались делать серьезно. Великий курфюрст во второй половине XVII в. проводил политику поддержки реформатского меньшинства за счет лютеранского большинства, например, лютеранские церкви выделялись кальвинистам или передавались в общее пользование обеих конфессий [3, S. 221]. Но, из этого ничего не получилось. Кальвинисты так и остались в Бранденбурге меньшинством, хотя и правящей элитой.

Ситуация, однако, была совсем отлична на имперском уровне, где у реформатов, в отличие от лютеран, не было никакого юридически закреплённого статуса и, следовательно, были причины чувствовать себя очень неуверенно. В Бранденбурге, где сильная лютеранская аристократия выступала против веры и политики курфюршеского двора, кальвинисты поддерживали власть центрального правительства. За границей, на имперском и международном уровнях, где габсбургско-католический блок угрожал их вере и династическим интересам, бранденбургские реформаты поддерживали сопротивление против центральной, имперской власти. Они были втянуты в борьбу за

истинное евангелие, против сил тьмы, католиков и их сообщников. В основе этих различий политических подходов был конфессиональный фактор. «Придворные кальвинисты Иоганна Сигизмунда» по отношению лютеранам Бранденбурга, особенно земельной аристократии, действительно, вели себя как «тиранические олигархи», а по отношению к императору они больше походили «на революционных демократов». Если внутри страны кальвинизм только усилил монархическую власть курфюрста, то по отношению к католическому императору он способствовал оживлению имперской сословной оппозиции [3, S. 256; 6, p. 197, 200, 204].

Как отмечал английский историк Джон Аллен, реформаты столкнулись, прежде всего, с двумя проблемами: «отношения государства и церкви к истинной религии и отношения подданных с правителем, который включал вопрос, можно ли власти было когда-либо справедливо оказывать насильственное сопротивление» [5, p. 222].

И Мартин Лютер, и Жан Кальвин подчеркивали, что князья – «регенты Бога и его помазанники». Они «представляют Бога на земле как его священники», - отмечал Бергиус. «У суверена в основном есть два обязательства», - объяснял его коллега Писторис, – «защитить божье и наказать зло». В частности, он ответственен за поддержание истинной веры и доктрины. Если правитель чувствует, что церковь в его царстве ошибочна, он не только не вправе, но и обязан исправить существующее зло, даже если большинство его сословий выступят против него. «Бог может удержать добрых христиан от противопоставления их набожным суверенам», - говорил реформатский придворный священник Мартин Фюссель. Поскольку правитель представляет Бога на земле, сословия должны повиноваться ему. «Сословия могут не согласиться с верой своего правителя», - считали Бергиус и тайный советник Кнезебек, - «но, согласно заповедям Христа должны повиноваться ему. Они должны повиноваться даже тиранам, которые неправильно используют меч», потому что последние «также получают свою власть от Бога..» «Тираническое неправильное употребление этой власти происходит не от Бога, а от их греховности и Сатаны», - думал Бергиус. – «Худшая тирания всегда лучше, чем государство без суверена вообще». Восстание

против такого тиранического режима предугадывает возмездие, полагал Даниэль Шаллер, - «Бог не будет оставлять безнаказанными восстания против светского суверена». Шаллер ещё до официального перехода в реформатскую церковь был криптокальвинистом. Несколько лет спустя он поддержал Вторую реформацию в Бранденбурге. [6, р. 197-199].

Отрицая право сословий бунтовать против несправедливого правителя, реформаты, как и лютеране, признали одно главное исключение, которое могло бы оправдать неповиновение. Как отметил Шаллер, «если бы Ваш суверен пытался принудить Вас... действовать против Бога и Вашей совести». Томас фон Кнезбек согласился с этим, но отметил, что этот принцип действует только в Бранденбурге начиная с Иоганна Сигизмунда [6, р. 199-200].

Бывший лютеранский придворный священник Иоганна Сигизмунда Симон Гедике пламенно защищал суверенитет курфюрста, когда тот все еще был лютеранином. Но, затем, Гедике яростно осудил Гогенцоллернов, используя те же аргументы. Это не было разногласием относительно специфических особенностей теории суверенитета, а скорее здесь играл роль конфессиональный контекст, в котором были высказаны эти аргументы. Канцлер и член тайного совета Фридрих Прукманн, публично перешедший в кальвинизм вместе с курфюрстом в 1613 г., свою репутацию как защитник княжеской власти он создал намного раньше, в 1592 г. Тогда ещё номинально лютеранин, он издал трактат, который посвятил Николасу Креллу, руководителю прерванной Второй реформации в Саксонии [6, р. 199].

Таким образом, реформатские пасторы и чиновники разрабатывали идеологические основы политики государства и помогали курфюрстам формулировать их религиозную и политическую позицию [5, р. 206].

Литература

1. Бульгина О. В. Государственно-политическая концепция Жана Кальвина: автореферат диссертации на соиск. ученой степени к. и. н. Брянск, 2009.
2. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495 - 1806. Т. 1. М., 2004.

3. Kluebing H. Das Konfessionelle Zeitalter 1525-1648. Stuttgart, 1989.
4. Hintze O. Calvinismus und Staatsräson in Brandenburg zu Beginn des 17. Jahrhunderts // Historische Zeitschrift. 1931. Bd. 144. № 2.
5. Nischan B. Calvinism, the Thirty Years' War, and the Beginning of Absolutism in Brandenburg: The Political Thought of John Bergius // Central European History. 1982. Vol. 15. № 3.
6. Nischan B. Confessionalism and Absolutism: the case of Brandenburg // Calvinism in Europe, 1540–1620 / Edited by Andrew Pettegree, Alastair Duke and Gillian Lewis - Cambridge University Press, 1994.

Крылов К. Е.
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Сын короля и внук императора: вопрос о природе монархической власти в автобиографии Карла V

Рассуждая об идеологическом фундаменте проекта монархии Карла V, историки сравнительно редко задавались вопросом: а как сам император смотрел на свое государство, какую роль он отводил себе в этом грандиозном начинании?

Ученые спорили о степени влияния на имперскую идею Карла разных людей, отводя ключевую роль то Меркурио Гаттинаре [1], то Максимилиану I Габсбургу [2, с.50]. Тем не менее историки реже ставили задачу понять: какую именно картину власти в результате этих влияний усвоил Карл и чем он руководствовался при принятии тех или иных решений.

В настоящей статье не ставится задача представить исчерпывающий анализ представлений Карла о власти. Здесь будет предпринята попытка ответить лишь на один из вопросов: как Карл V смотрел на природу своей власти в своих многочисленных владениях. Основным источником станет автобиография Карла V [3; 4].

К началу XVI в. европейские юристы уже несколько веков вели спор о природе верховной власти, а также о том, что именно превращает обычного человека в монарха. Ответов на эти вопросы было три: коронация, признание сословий и наследование. При этом сторонники